Текст · 26 марта 2020, 10:22
Юлия Сугуева, Анна Козкина,

«Ингушское дело» год спустя. Как власти мстили за протесты против изменения границы республики с Чечней

Год назад в Магасе начались протесты: на площадь вышли недовольные соглашением о новой границе с Чечней. На следующий день между участниками митинга и силовиками произошли столкновения. Эти события закончились одним из самых крупных судебных процессов на Кавказе: сейчас по делу проходят 42 обвиняемых. «Медиазона» вспоминает, как развивалось «ингушское дело».

Начало противостояния

Согласованный с властями митинг против передачи ингушских земель Чечне начался 26 марта 2019 года. Во вторник на площади перед НТРК (национальная телерадиокомпания) «Ингушетия» в Магасе собрались несколько десятков тысяч человек. Акция продолжилась и после официального завершения: лидеры оппозиции объявили митинг бессрочным.

К утру следующего дня прикомандированные из других регионов сотрудники Нацгвардии попытались разогнать протестующих. Начались стычки.

«Люди просто ждали второго дня, ждали обещанного — продления уведомления. Говорить, что они митинговали — неправильно. Не было лозунгов, громкоговорителей, — считает участник митинга, правозащитник Магомед Муцольгов. — И штурм начался, когда люди совершали утреннюю молитву, через два часа — второй. Силовики напали на людей, люди отбились, и получилась небольшая обоюдная драка. Да, [среди нацгвардейцев] есть пострадавший, которого вынесли оттуда, но много было пострадавших и среди митингующих».

В итоге 27 марта протестующие согласились разойтись.

Новая граница между Ингушетией и Чечней

Споры между Чечней и Ингушетией о принадлежности Малгобекского и Сунженского районов велись с 90-х годов. В январе 2013 года Рамзан Кадыров подписал закон: несколько населенных пунктов Сунженского района Ингушетии должны были перейти под юрисдикцию Чечни. Это вызвало крайне негативную реакцию в соседней республике, писал тогда «Кавказский узел».

В конце августа 2018 года рабочие под охраной чеченских силовиков начали прокладывать дорогу в районе границы с Ингушетией.

По министра Ингушетии по национальной политике Муслима Яндиева, чеченская сторона попыталась «передвинуть блокпост километра на полтора-два» вглубь ингушской территории. Работы приостановили, но уже через месяц, 26 сентября, Евкуров и Кадыров подписали

соглашение, устанавливающее новую границу между республиками. По подсчетам «Кавказского узла», Ингушетия передала Чечне около 26 тысяч гектаров своей территории, а получила от Чечни примерно тысячу гектаров.

В тот же день в столице Ингушетии Магасе начались протесты, которые длились несколько недель. 30 октября 2018 года Конституционный суд Ингушетии отменил соглашение Евкурова и Кадырова и потребовал провести референдум, однако 9 декабря 2018 года КС России признал соглашение законным. В июне 2019 года Юнус-Бек Евкуров ушел в отставку.

Страдания от удара в щит. Дело первое, о митинге

Участников акции начали задерживать через неделю после столкновений, 3 апреля. Следственный комитет возбудил уголовное дело по статьям о массовых беспорядках и применении насилия в отношении силовиков (часть 2 статьи 318, часть 3 статьи 212 УК).

Один из силовиков, например, жаловался на боль от удара по щиту, другой испытал боль в руке от того, что активист схватился за щит и дергал его. Потерпевшими были нацгвардейцы преимущественно из других регионов. Расследовать уголовное дело также поручили прикомандированным следователям.

Было две волны арестов: с апреля по июнь 2019 года и новая, она началась с февраля 2020-го.

Почти всем рядовым активистам первоначальное обвинение смягчили — со второй части статьи 318 УК на первую, то есть с «опасного» насилия над представителями власти на «неопасное». Максимальное наказание по первой — пять лет колонии, по второй — десять.

Как и в «московском деле», обвинение в беспорядках пока не предъявили никому.

«Протестующим вменили тяжкую статью, чтобы заключить под стражу. Экспертизы, исключившие причинение вреда жизни и здоровью силовиков, провели еще в мае 2019 года, но все подсудимые оставались в СИЗО», — говорит адвокат Андрей Сабинин из международной правозащитной организации «Агора», представляющей интересы двоих обвиняемых.

Обвиняемыми и подозреваемыми по этому делу стали 42 человека, 19 из них уже приговорили к реальным срокам, многие ждут суда в СИЗО. Единственный, кто находится в розыске — бывший министр внутренних дел Ингушетии Ахмет Погоров.

Дела рассматриваются в Ставропольском крае, а не Ингушетии.

Столкновения митингующих с полицией. Кадр: Current Time TV

Все осужденные — рядовые участники протестов. Шестеро полностью признали вину, но на сроках это практически не сказалась. Чаще всего суд давал год и несколько месяцев колонии-поселения, и приговоренные почти сразу выходили на свободу — один день в СИЗО приравнивается к двум дням в колонии-поселении. По подсчетам «Медиазоны», уже должны были освободиться как минимум 16 человек.

Кто признал вину и осужден за насилие в отношении силовиков по «ингушскому делу» (часть 1 статьи 318 УК):

Рамазан Гагиев был под домашним арестом с апреля 2019 года. 12 декабря осужден на четыре месяца колонии-поселения. Сразу после приговора Гагиев вышел из-под домашнего ареста.

Сейт-Магомед Нальгиев 13 декабря 2019 года суд приговорил к году и четырем месяцам лишения свободы. 7 февраля 2020-го Нальгиев вышел на свободу.

Зелимхан Томов 16 декабря 2019 года приговорен к году и пяти месяцам лишения свободы, 26 декабря вышел на свободу.

Мусса Плиев 24 декабря 2019 года осужден на 1,5 года колонии-поселения. Освободился 13 января 2020-го.

Элисхан Ажигов 24 декабря 2019 года осужден на год и пять месяцев колонии-поселении. Ажигов должен был выйти на свободу 30 декабря, однако из СИЗО его отпустили только 13 января 2020-го.

Мустафа Вышегуров 27 декабря 2019 года приговорен к одному году и пяти месяцам

лишения свободы, вышел на свободу 25 февраля 2020-го.

«Работа следственной группы в Нальчике, содержание обвиняемых в изоляторах вне пределов Ингушетии, продление стражного заключения в КБР, а потом и в Ставропольском крае были направлены на будущее изъятие уголовных дел из судебной системы Ингушетии. Понимая, что рассмотреть уголовное дело сразу и в отношении всех не получится, из него массово выделили в отношении каждого персонально, и через стадию изменения территориальной подсудности в Верховном суде направили в районный суд Ставропольского края. Генеральная прокуратура поставила под сомнение объективность абсолютно всех ингушских судей и прогнозировала возможность массовых акций протеста», — отмечает адвокат Сабинин.

Кто не признал вину и осужден за неопасное насилие в отношении силовиков (часть 1 статьи 318 УК):

Хасан Зязиков 17 января приговорен к году и одному месяцу колонии-поселении, 7 февраля 2020-го вышел на свободу.

Тимур Озиев 17 января осужден на год и семь месяцев лишения свободы, 6 февраля 2020-го вышел на свободу.

Магомед Оздоев 23 января приговорен к году и четырем месяцам, освободился 6 марта 2020-го.

Гелани Хамхоев 13 февраля осужден на год и девять месяцев колонии-поселения.

Зубейр Хамхоев 14 февраля приговорен к году и восьми месяцам лишения свободы.
Адам Бадиев 18 февраля осужден на год и 10 месяцев колонии-поселения
Зелимхан Бапхоев 18 февраля приговорен к полутора годам.
Ахмеду Нальгиеву 18 февраля суд назначили год и девять месяцев колонии-поселения.
Джохар Алиев 21 февраля осужден на год и восемь месяцев колонии-поселения.
Ибрагиму Дугиеву 25 февраля суд назначил год и два месяца колонии-поселения.
Рашид Аушев 26 февраля приговорен к году и девяти месяцам лишения свободы.
Хасан Кациев 6 марта 2020 года приговорен к году и девяти месяцам лишения свободы.

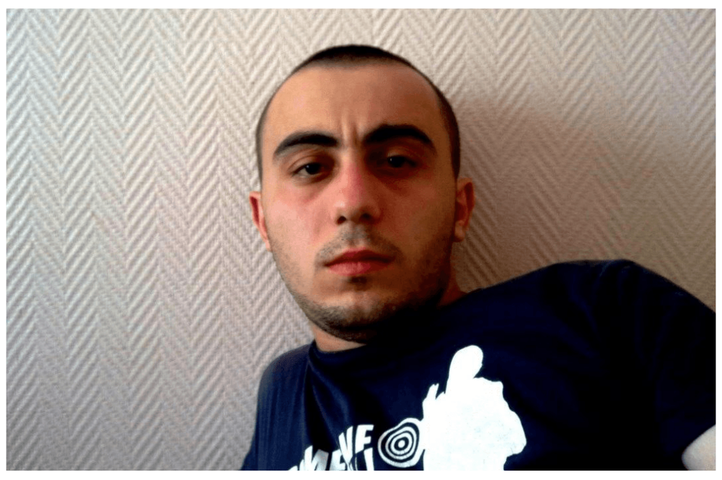
Пытки, запреты, ликвидация

В июле 2019 года сотрудники ФСБ задержали Рашида Майсигова. Телеграм-канал «Фортанга.org», который он вел во время протестов, был одним из главный источников информации о происходящем в республике.

Майсигова обвинили в хранении наркотиков (часть 2 статьи 228 УК) и отправили в СИЗО. По версии следствия, он за две-три недели до задержания купил героин и хранил у себя.

Бывший админ телеграм-канала признал вину, но затем рассказал адвокату, что дал признательные показания под пытками: его били током, подключая провода к мочкам ушей. Через несколько месяцев

Майсигова перевели под домашний арест. Позднее ему предъявили обвинение в призывах к сепаратизму (часть 2 статьи 280.1 УК) из-за постов в инстаграме.

Рашид Майсигов. Фото: «Фортанга.org»

Лидерами протестов были члены Совета тейпов ингушского народа. В мае 2019 года Минюст приостановил работу Совета под формальным предлогом. Одновременно министерство юстиции вынесло организации предупреждение: обращение старейшин к депутатам с требованием голосовать против передачи земель и угрозами быть проклятыми всем ингушским народом было названо недопустимым вмешательством с признаками экстремизма.

В ноябре Минюст подал иск в Верховный суд Ингушетии о ликвидации Совета, но ВС приостановил его рассмотрение до апелляции на решения нижестоящих инстанций.

Против председателя Совета тейпов Ингушетии Малсага Ужахова, уже арестованного по делу о протестах 26 марта, возбудили новое уголовное дело — о создании НКО, побуждающей к отказу от исполнения гражданских обязанностей (часть 2 статьи 239 УК).

Тагира Цечоева, заместителя Ужахова, оштрафовали на 15 тысяч рублей по закону о «фейковых

новостях» (часть 9 статьи 13.15 КоАП) после обращения к местным депутатам, в котором говорилось о возможной ликвидации республики из-за пересмотра границ с соседними субъектами.

Прокуратура республики также обратила внимание на созданный активистами протестов «Ингушский комитет национального единства» (ИНКЕ). Ведомство обратилось в ВС Ингушетии с требованием ликвидировать это объединение, но решение пока не принято.

«Мирный протест в Магасе, не предвещавший никаких конфликтов, 27 марта 2019 года в какие-то секунды превратился в длительную историю противостояния маленького народа и всей государственной машины, — говорит Сабинин.
— Огромная следственная бригада, вертолеты с задержанными, многочисленные обыски, изоляция активистов вне пределов республики, бесконечные и бессмысленные аресты и их продления — надолго сформировали ощущение, что любые формы несогласия на этой территории решили искоренить навсегда».

Кого обвиняют в применении неопасного насилия к силовикам (часть 1 статьи 318 УК):
Аслан Аушев находится в СИЗО, дело направлено в суд 30 декабря 2019 года, рассматривается в общем порядке.
Руслан Дзейтов находится в СИЗО, дело направлено в суд 6 февраля 2020 года, рассматривается в общем порядке.

Ризван Оздоев находится в СИЗО, дело направлено в суд 6 декабря 2019 года, рассматривается в общем порядке.
Амир Осканов находится в СИЗО, дело направлено в суд 11 декабря 2019 года, рассматривается в общем порядке.
Багаудин Мякиев находится в СИЗО, дело направлено в суд 9 января 2020 года, рассматривается в общем порядке.
Адам Ажигов 26 мая 2019 года мера пресечения была изменена с содержания под стражей на подписку о невыезде. Дело направлено в суд.
Ибрагим Мужахоев 26 мая 2019 года мера пресечения также была изменена на подписку о невыезде.

«Вызов действующей власти». Второе дело, полицейское

После окончания протестов из полиции уволили 17 сотрудников[1] батальона ППС. По словам одного из уволенных, попросившего не упоминать его имени, их обвинили в том, что они противодействовали Нацгвардии.

«Две попытки Росгвардии разогнать митингующих [провалились]. Во второй раз, когда росгварейцы, нарушив полностью свой строй, отправились в бегство, они своих же оставили [в толпе протестующих]. Мы, то есть полицейские, их вытаскивали оттуда, — говорит уволенный сотрудник МВД. — И когда Росгвардия [собиралась] предпринять третью попытку, мы, видя, что впереди митингующих стоят старейшины и зная менталитет

нашего народа, [зная], что молодежь никогда оттуда не уйдет, пока старики стоят между силовиками и ими, предприняли попытку зайти, предупредить, что против них [будет] применена физическая сила. Эти же старики уговорили молодежь разойтись».

На площади находилось около трехсот сотрудников Нацгвардии, но, по словам собеседника «Медиазоны», еще одна попытка силового разгона могла привести к кровопролитию и эскалации конфликта «в масштабах республики».

Бывший сотрудник утверждает: полицейские вели с протестующими переговоры меньше трех минут, «и люди буквально через 10-15 минут [начали] расходиться»:

«У Росгвардии получился провал, они не смогли убрать [митингующих], а мы уговорили. Что, обязательно людей бить надо, чтобы они разошлись? Почему мы сегодня не говорим о росгвардейцах, которые в то утро в толпе применили шумовые гранаты, которые возбудили эту же толпу. Люди думали, что их там сейчас убивать будут, и начали какие-то противодействия совершать».

Полицейские пытались восстановиться на службе, но Магасский районный суд оставил их иск к МВД без удовлетворения, 27 февраля Верховный суд республики утвердил решение первой инстанции. Теперь бывшие силовики собираются подавать жалобу Пятый кассационный суд в Пятигорске, а после в ВС России — «мы в любом случае дойдем до самого последнего».

Руководство МВД, говорит экс-полицейский, ссылалось на объяснение его коллеги, написавшего, что 17 сотрудников ППС нарушили приказ стоять в оцеплении. В суде этот полицейский признался, что «никакого приказа не было», и он подписал документ, так как ему самому угрожали увольнением.

По словам адвоката полицейских Магомеда Куриева, во время рассмотрения гражданского иска прокуратура настаивала на том, что поступок сотрудников — это вызов действующей власти.

«То есть с позиции государственного надзорного органа, недопущение эскалации напряженности, прекращение несанкционированного митинга путем переговоров — вызов действующей власти», — говорит адвокат.

Позже бывших полицейских обвинили в неисполнении приказа (часть 2 статьи 286.1 УК). Участники не могут комментировать это уголовное дело, пока идет расследование, поскольку с них взяли подписку о неразглашении.

«Я много раз думал, как бы я по-другому мог действовать, но другого варианта не было, кроме как зайти и по-вайнахски с ними поговорить. Перед кем мы опорочили честь сотрудника полиции? Не перед своим народом же! А тут получается, не знаю, может, кому-то неугодно было», — заключает бывший сотрудник.

Муса Мальсагов (слева). Фото: Владимир Смирнов / ТАСС

«Провокационно взывал к мужскому достоинству». Дела об экстремизме

В январе 2020 года лидерам протеста против изменения границы между Ингушетией и Чечней предъявили новое обвинение — в организации и участии в экстремистском сообществе.

68-летнего председателя Совета тейпов ингушского народа Малсага Ужахова, 66-летнего члена Совета Ахмеда Барахоева, председателя ингушского отделения Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» Мусу Мальсагова обвинили в организации опасного для здоровья насилия в отношении полицейских (часть 3 статьи 33, часть 2 статьи 318 УК) и организации экстремистского сообщества (часть 1 статьи 282.1 УК).

Малсаг Ужахов и его адвокат Джабраил Куриев. Фото: «Фортанга.org»

В июне 2019 года Ужахову предъявили обвинение в создании некоммерческой организации-[2], деятельность которой сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний (часть 2 статьи 239 УК).

Следствие считает, что трое активистов, объединенные «политической враждой» к бывшему главе республики Юнус-Беку Евкурову, создали в мае 2018 года экстремистское сообщество[3], чтобы добиться его смещения с занимаемого поста.

К Барахоеву, Ужахову и Мальсагову, считает следствие, позже присоединились еще несколько человек:

— член региональной общественной организации «Выбор Ингушетии» Исмаил Нальгиев,
— замдиректора Мемориального комплекса жертвам репрессий в Ингушетии Зарифа Саутиева,
— председатель общественного движения «Опора Ингушетии» Барах Чемурзиев,
— сопредседатель Ингушского национального конгресса, бывший министр внутренних дел РИ Ахмет Погоров (находится в розыске),
— глава Совета молодежных организаций Ингушетии Багаудин Хаутиев.

Обвинения в применении неопасного насилия к силовикам, а также в экстремизме (часть 3 статьи 33, часть 2 статьи 318 УК, часть 1 статьи 282.1 УК) предъявили и этим людям.

Согласно обвинению, на митинге 26 марта 2019 года Барахоев и Ужахов «провокационно взывали к мужскому достоинству и национальному единству» протестующих, манипулировали этническими обычаями, «своим присутствием обязывая любым способом обеспечить [их] безопасность» как представителей старшего поколения. Зарифа Саутиева, «будучи представителем женского населения» Ингушетии, своим присутствием «обязывала любым способом обеспечить ее безопасность как представительницы слабого пола».

По словам адвоката Андрея Сабинина, представляющего интересы Нальгиева, защитники до сих пор не видели «значимых материалов» этого уголовного дела, а следствие «буксует». Адвокат уверен, что это дело тоже будут рассматривать за пределами Ингушетии.

«Репрессии продолжаются». Новые аресты в Ингушетии

В феврале, спустя почти год после митинга в Магасе, в Ингушетии вновь начали задерживать и арестовывать участников протестов. Как сообщал «Мемориал», 4 февраля в республике задержали не менее 12 человек.

Часть задержанных допросили как свидетелей в Следственном управлении СК во Владикавказе, а после отпустили домой. Пятерых доставили в ИВС МВД города Нальчика, еще нескольких задержали уже в марте — в итоге всем им предъявили обвинение в нападении на нацгвардейцев.

Кого обвиняют в опасном насилии в отношении силовиков (часть 2 статьи 318 УК):

Магомед Хамхоев — единственный из арестованных «первой волны», которому не смягчили обвинение. Находится под арестом с апреля 2019 года.

Макшарип Батыгов задержан и арестован в феврале этого года, в апреле 2019 года его уже оштрафовали на 10 тысяч рублей за участие в мартовском митинге протеста.

Руслан Барханоев арестован в феврале. В июле 2019 года он подал заявку на проведение митинга с требованием освободить ингушских активистов, но получил отказ.

Амирхан Беков также задержан и арестован в феврале.

Мухарбек Маматов задержан 4 февраля 2020 года, на следующий день заключен под стражу.

Исропил Нальгиев. В постановлении о проведении обыска в его доме было указано, что Нальгиева подозревают в участии в экстремистском сообществе, на суд по избранию меры пресечения его доставили как подозреваемого в нападении на силовиков. Арестован в феврале.

Закри Бапхоев 14 февраля сам явился с повинной в отдел полиции, на следующий день был заключен под стражу.

Ахмеда Чахкиева 6 марта отвезли на допрос в Нальчик, а затем отправили в ИВС.

Заурбек Дзауров находился в федеральном розыске, 7 марта его задержали, а после взяли под стражу.

«Репрессии продолжаются, [появляются] новые арестованные, но эти люди, которые сидят за то, что требовали соблюдения национальных интересов в республике, — герои. Они сидят за убеждения и принципы и останутся в истории своего народа, а какое отношение будет к политикам, мы знаем, — говорит правозащитник Муцольгов. — После увольнения день-два — и все. Может, их сдадут, может, они в шоколаде закончат свою жизнь, но их дети будут знать, каковы были их родители, и они будут стыдиться».

Редактор: Дмитрий Трещанин

---

1. Четверых позже восстановили в должности.
2. Под этой организацией обвинение имеет в виду Совет тейпов ингушского народа.
3. Под ним подразумевается объединение «Ингушский комитет национального единства» (ИКНЕ).